

Мне подарили мой портрет,
и я, его обрящий,
подумал: все же я — поэт.
Плохой,
но настоящий.

В квартире творческий бардак —
и мухи, и котлеты...
Нет: все же выглядят не так
фальшивые поэты.

А если быть еще точнее —
они когда напьются,
у них и взгляд посволочней,
и кудри так не вьются.

А если быть еще точнее,
то я говно, по сути...
Я и мрачней, и сволочней
всей этой сытой мути.

И потому душа болит,
что учтены все риски.
Звезда с звездой говорит,
но словно по-английски.

* * *

Прощай, панельная высотка
на юго-западе Москвы,
и ты, ванильная красotka
со стойким привкусом халвы.

Прощайте, сплетни и интриги,
и закулисная возня,
и вы, таганские барыги,
очаровавшие меня...

Дай Бог имеющему уши
услышать музыку глуши,
в Москве настолько стало душно —
хоть эпитафию пиши.

За МКАДом снег и невесомость,
зимою здесь белым-бело...
Дай Бог имеющему совесть
не повестись на госбабло.

Здесь вечность входит внутривенно,
и я не знаю, как с ней быть...
Грядут такие перемены,
в которых нечего ловить.

* * *

«Не надо говорить про душу,
ее на самом деле нет...»
Сказал, дожевывая суши
мой друг художник и поэт.
Ну нет так нет. Скользит беспечно
мой взгляд по плоскости стола.
Нам не к лицу бодяжить с вечным
свои насущные дела.
Нам не к лицу бодяжить с делом
свое желанье закурить.
Официант взывает к телу,
и тело просит — повторить.
Мы побредем, шатаясь, к двери
делить по-братски барыши;
Что мне с того, что он не верит
в существование души?

* * *

Еще ничего не случилось,
когда безразличной толпе,

халавный поставили «Чивас»
и целый поднос канапе.

И все можно было исправить
одним только словом Твоим.
И небо в багровой оправе
смотрело на Ершалаим.

— Какие сюжетеки, ишь ты! —
Каифа втирал пацанам. —
Глядишь, и отрехшийся трижды
придет проповедовать нам!

И воздух, как сладкая вата,
цеплялся за скулы жреца,
и путались мысли Пилата
в ритмичных низах ун-ца-ца.

И горько проямлил апостол
поллитру прикончив к утру:
— Гореть на ветру — это просто,
попробуй-ка тлеть на ветру...

И кто-то подумал: умри я
вчера от меча и огня —
одна б только Дева Мария
сегодня любила меня.

* * *

Позавидовала женщина женщине —
стала злой.
Постарела, а после и вовсе —
стала золой.

Ветер золу развеял,
с пылью смешал —
долго кружилась над пыльной золой
душа.

Что та душа искала —
поди теперь разбери...
Было ль чего драгоценного
в той пыли...

Бог опрокинул небо —
прибил к земле
пыль и золу
и жизнь подарил золе.

* * *

В сосновом лесу так ольха нова,
как в духовом оркестре кларнет.
Я слушаю песни Сергея Труханова,
Сергея Труханова больше нет.

Разводы и пятна на голой посуде —
всего лишь следы недосказанных слов...
Любовь уходит, как близкие люди, —
как вера в бессмертье уходит любовь.

Я вышел курить в равнодушную бездну,
в голодную бездну пустого двора.
Она не заметит, когда я исчезну,
как я ее мрак не замечу с утра.

* * *

Сестра ушла. И в горле комом хлеба
застрял вдруг то ли выдох, то ли вдох...
Сестра ушла — наверное, на небо —
она ведь верила, что где-то в небе Бог...

И где-то там — в сияющей сорочке —
гуляет с Ним меж огненных светил...
И ангелы ей посвящают строчки,
а я — и слова ей не посвятил...

Закат, распятый на оконной раме,
воскреснет — только рама прогниет.
Я видел смерть — она стояла в храме,
и я ничем не зашвырнул в нее.

Мне от вины своей укрыться нечем —
мне мальчик задает вопрос из тьмы:
«Как мне в глаза сестре смотреть при встрече?»
Что ей сказать?
И встретимся ли мы...»

* * *

Александр Литвинову

Светит что-то дальше из детства
и всю ночь покоя не дает —
как ты там, в цветочном королевстве,
в паропход влюбленный самолет?

Ах, какое огненное лето —
жар июлем льется через край...

Девочка с серебряною флейтой,
милая, прошу тебя, — играй.

Этот мир для тех, что поплечистой,
тех, что ловят пули налету.
Ангел в небо лестницу начистил —
жаль марать такую красоту.

* * *

Из России опять эмигрируют тыщами —
кто в Париже, кто в Штатах находит приют...
Но я видел — в Европе такие же нищие,
и богатые точно такие же тут.

Здесь свобода во всем, но, увы, номинальная —
человеческий жребий жесток и нелеп —
говорят, человек — существо социальное —
это значит работай, чтоб кушать свой хлеб.

И спешит человек на работу рабочую,
чтоб купить своим детям уют и покой.
И чего-то куда-то весь день он ворочает
и целует жену, возвращаясь домой.

Я целую жену. Я люблю свою Родину.
Это пафос и муть, но я правда не вру.
А в Европе — здесь в целом спокойнее вроде, ну
в теплом пледе ночами бухать на ветру...

* * *

Попытка выйти за границы
не увенчается добром —
купи коктейль на пляже Ниццы,
а лучше чистый темный ром.

И опрокинь его на пару с
той, что с тобою делит быт.
И пусть вдали белеет парус,
и мачта гнется и скрипит.

И пусть в закатном мягком свете,
чеканя на песке следы,
смеясь, твои играют дети,
не зная горя и нужды.

Пусть будет осень или лето,
не важно, век и год какой...

Тому, кто не достоин света
порой даруется покой.

* * *

По бульвару, по бульвару
ходит месяц молодой!
Пушкин в майке с Че Геварой
едет в бричке за бедой...
Задувает в бричку ветер
и на понт берет его:
— У тебя — жена и дети,
а тому терять чего?
— Ты меня разводишь, шулер! —
говорит ему поэт. —
Будет день и будет пуля,
и иных раскладов нет.
Будет сразу за Парнасом
аварийный поворот,
а за ним беды с запасом,
и никак наоборот.
Наркоманы и хипушки
смотрят, пораскрывши рты,
как на небо едет Пушкин...
А куда приедешь ты?

* * *

После расстрела Гумилева
они пошли гонять чаек.
И что в начале было Слово,
им было как-то невдомек.
Галдели, спорили до хруста
о трудной доле мужика.
Поэты без шестого чувства,
приспособленцы от штыка.